

Глава 6. Принц Чу

Квартал Инин. Поместье Государственного наставника

Цинсюань скользнул в теплый кабинет. Государственный наставник, как он и ожидал, сидел перед низким столиком, бережно протирая простую шпильку из белого нефрита. На ней не было ни узоров, ни резьбы — лишь самый кончик изящно загибался кверху. Судя по всему, вещица была старинной и хранила на себе печать долгих лет.

Почтительно сложив ладони перед грудью, слуга негромко доложил:

— Господин, прибыл принц Чжао.

Восьмой принц У Чэнзюэ, сын наложницы Линь-чжаои, носивший титул принца Чжао, был еще совсем юн — ему едва исполнилось пятнадцать лет.

— М-м, — не оборачиваясь, отозвался наставник.

Он не прервал своего занятия, пока кропотливо, до блеска не вытер нефрит. Лишь тогда он бережно уложил шпильку в шкатулку из сандалового дерева и протянул ее слуге. Цинсюань принял коробочку и привычным движением спрятал в потайную нишу в стене.

Тем временем наставник неспешно поднялся. Его холодный, ровный голос прозвучал в тишине кабинета:

— Говорят, племянники часто идут в дядьев. Кто бы мог подумать, что больше всех на Линь Туна будет похож сын его единокровной сестры. Вот только характером малец совсем в него не пошел.

Цинсюань в душе не одобрял эту привязанность. Он искренне считал, что покойный Линь Тун и в подметки не годился его господину. Однако за прошедшие годы наставник ничуть не изменился, и верный слуга благоразумно промолчал.

Когда наставник вошел в гостиную, принц Чжао стоял у окна, заложив руки за спину. Черты его юного лица были тонкими и красивыми, но между бровей затаилась тень нетерпения. Завидев хозяина, юноша торопливо шагнул навстречу, мягко коснулся его локтя, не позволяя согнуться в приветственном поклоне, и обеспокоенно спросил:

— Я не вхож в совет, и лишь в полдень узнал, что учитель занемог и не явился на аудиенцию к императору. Всё ли в порядке? Неужто болезнь серьезна?

Служанки бесшумно расстелили два мягких мата для сидения и разожгли жаровню, собираясь заварить чай. Жестом пригласив гостя занять почетное место, наставник устроился напротив, слегка опершись на небольшую подушку-валик.

— Старый недуг разыгрался, не более, — негромко ответил он. — Несколько дней покоя, и всё пройдет.

С этими словами он потянулся к медному чайнику, но юноша перехватил рукоять.

— Позвольте мне, учитель, я сам.

Принц наполнил пиалы и, отпив немного, оживился, словно вспомнив о чем-то занятом:

— Учитель, а вы знаете, что в последнее время в столице появился совершенно иной способ пить чай? Вот уже несколько месяцев весь Юнъань так и бредит этим новшеством. Слыхали ли вы о нем?

— Ваше Высочество имеет в виду заваривание без добавления соли, имбиря и прочих пряностей? — мягко спросил Шангуань Фэнлань. — Кое-какие слухи до меня доходили, но отведать самому не доводилось. Чай ведь подобен лекарству. Если варить его чистым, разве он не покажется слишком горьким?

Разговоры о кулинарных диковинках всегда приводили юного принца в восторг. Он воодушевился и с жаром пустился в объяснения:

— В том-то и секрет, что листья собирают и сушат особым образом! Первый глоток действительно терпкий, даже вяжущий, но затем на языке разливается удивительная сладость. Да и тяжесть из живота уходит, стоит осушить пиалу.

— Вот как? — вежливо удивился наставник. — Неужели оно и впрямь столь благотворно влияет на плоть?

— Стал бы я лгать учителю! — улыбнулся У Чэнзюэ. — Но если вы решите отведать этого чуда, то лучше всего его подадут в Башне Красных Рукавов да в поместье Пэнлай.

Юнъань. Поместье Цзин

— Господин, вести от девицы Юньсю и господина У, — проговорила Чжили, едва переступив порог. В руках она бережно несла два запечатанных сургучом бамбуковых тубуса.

Цзин Юньшу дремал на кушетке, укрывшись плотным одеялом. Услышав девичий голос, он лениво приоткрыл глаза. Стоявший подле него Чжун И молча забрал у служанки тубусы, аккуратно срезал ножом печати и извлек наружу скрученные в свитки листы бумаги.

Развернув сначала донесение от У Даоци, Цзин Юньшу быстро пробежал глазами строчки.

— Что и следовало ожидать, — усмехнулся он. — Кому-то новый способ заварки пришелся не по вкусу, но среди гостей «Пэнлай» семь десятков из ста заказывают именно его.

Он небрежно бросил бумагу Чжун И.

— Нужно подлить масла в огонь, расширить слухи. Тогда чайные плантации, которые мы выкупили на будущий год, принесут нам горы золота. А со временем прибыль станет и вовсе баснословной.

Юньшу на мгновение задумался, прикрыв глаза, а затем лукаво улыбнулся:

— Послушай, а что если перед Новым годом нам устроить состязание? Скажем, грандиозную поэтическую встречу. А в самый канун Праздника фонарей провести финал?

Стоявшая рядом Чжили удивленно захлопала ресницами:

— Господин, а что такое «финал»?

— Всеу свое время, глупышка, скоро сама всё увидишь, — ласково рассмеялся Юньшу. — А теперь ступай.

Служанка почтительно поклонилась и бесшумно выскользнула из покоев.

Оставшись наедине с охранником, Юньшу развернул второе письмо — от Юньсю. Бегло прочитав короткие строки, он молча протянул лист Чжун И.

Чжун И присел на край кушетки. Юньшу, ничуть не смущаясь, бесцеремонно сунул свои вечно ледяные ступни под полу его просторного халата, прижав их к теплой груди мужчины. Тот лишь вздохнул с безмолвной укоризной, бережнее подоткнул сползающее одеяло и принялся согреть своим телом бледные ноги господина, которые круглый год оставались холодными, точно высеченный из речного льда нефрит.

Разгладив свиток одной рукой, Чжун И вчитался в аккуратные иероглифы.

— Принц Чу? У Чэнсюань? — хмыкнул он и, сжав записку в кулаке, бросил плотный бумажный

комков в пылающую жаровню.

— Поместье принца Чу — гнездо военное, — лениво проговорил Цзин Юньшу, откинув голову на подушку. — Слуги там вышколены и лишнего не болтают. К доверенным лицам Его Высочества и вовсе не подступиться, однако один из дозорных у ворот по глупости проговорился. Оказывается, самого принца сейчас нет в столице. Он отбыл на северо-запад и до сих пор не вернулся, хотя все сроки вышли. Зачем поехал — тайна за семью печатями. О таком знают лишь те, кто делит с ним походный шатер. В поместье приехал лишь один из его офицеров, который сейчас временно и заправляет всеми делами.

— С чего вдруг господин заинтересовался этим человеком? — спросил Чжун И, не переставая растирать озябшие лодыжки Юньшу.

Юньшу негромко рассмеялся:

— Да не то чтобы меня это сильно заботило. Просто в столице намечается какая-то буря, и хоть мне до дворцовых дрызг дела нет, держать ухо востро никогда не помешает. Чем больше знаешь, тем крепче спишь.

Четвертый принц У Чэнсюань, сын наложницы У-цзеюй, носивший титул принца Чу, был еще молод — ему шел двадцать седьмой год. Однако за его плечами уже лежали двенадцать лет суровой армейской службы, девять из которых он лично вел полки в бой. Ратному делу его обучал покойный ветеран двух правлений, великий главнокомандующий Ючжоу Ли Чэн, при жизни удостоенный от императора звания «Небесный воин». С тех самых пор, как юный принц впервые отличился под началом старого мастера, его звезда неуклонно шла вверх. Ныне он командовал гвардией Шэньцэ — элитой и щитом столичного гарнизона. Государь недолюбливал сына, но у него не оставалось иного выбора, кроме как доверить ему грозную силу. В конце концов, родная кровь надежнее чужаков, да и военный гений принца Чу отрицать было невозможно.

Неприязнь государя к сыну не была беспочвенной выдумкой Цзин Юньшу. В столице давно шептались, будто принц Чу родился неопишным уродцем. Отец настолько брезговал его видом, что приказал мальчику никогда не снимать маски. Позже, когда к власти пришел коварный клан Вэй и в обиход вошло варварское наказание — клеймение лиц, из-за чего половина Юньаня нацепила маски ради сокрытия позора, принц продолжал скрывать лицо. Разумеется, нанести клеймо на лик особы императорской крови никто бы не посмел, так что слухи о природном уродстве У Чэнсюаня, скорее всего, являлись чистой правдой.

В Поднебесной верили, что власть императора священна, а потому и облик Сына Неба должен быть величав и безупречен. Трон ни при каких обстоятельствах не мог достаться калеке или уродцу, вынужденному прятаться от подданных за куском металла. К тому же принц Чу оставался одиноким волком: за его спиной не стояло влиятельной родни со стороны матери, а сам он бежал светского общества и не заводил дружбы с придворными. Именно поэтому подозрительный император со спокойной душой вверил ему армию и даже пожаловал пост министра военного ведомства.

Благодаря этому принц Чу стал единственным среди братьев, кто удостоился права владеть личной резиденцией за пределами дворца, держать в руках боевые знамена и распоряжаться личным войском.

Вот только людская молва не щадила грозного воителя. Поговаривали, несколько лет назад император внезапно решил женить сына. Однако едва нежная барышня из знатного рода мельком увидела своего нареченного, как от ужаса слегла в горячке и вскоре отошла в мир иной. К тому же его мать, наложница У-цзеюй, некогда признанная первой красавицей Цзяннани, много лет назад лишилась рассудка и по сей день томилась в Холодном дворце. О причинах ее безумия ходили самые зловещие слухи: поговаривали, несчастная женщина просто не вынесла вида собственного новорожденного дитя. Так или иначе, за принцем Чу прочно закрепилась дурная слава «порождения бездны, ненавидимого богами и людьми».

Спустя время государь — то ли из отцовской жалости, то ли из нежелания нарушать приличия — вновь попытался сосватать за него невесту. Но стоило слухам о помолвке доползти до выбранного дома, как несчастная девушка предпочла утопиться в реке. Это стало прямой пощечиной самому Сыну Неба. Разгневанный император жестоко покарал непокорный род, но впредь принуждать кого-либо к браку силой оружия не решился. Сватовство замяли, и с тех пор при дворе установилось негласное правило: о женитьбе принца Чу — ни слова.

В последующие годы, когда на северных рубежах вспыхнула война с кочевниками, У Чэнсюань не проиграл ни единого сражения. Однако чем громче славили его победы, тем мрачнее шептались за его спиной, называя принца «звездой гибели».

Великий герой Империи в глазах обывателей превратился в живое поветрие, чуму, к которой никто не смел приближаться.

Цзин Юньшу, разумеется, во всю эту чепуху про проклятия и злых духов не верил. Однако невольно проникался сочувствием к судьбе воина. Окажись они в его родном двадцать первом веке, принца Чу превозносили бы как национального героя, засыпая цветами и славя на каждом углу. А здесь он лишь пугал суеверных глупцов.

Отгнав праздные мысли, Юньшу вновь сосредоточился на предстоящем поэтическом конкурсе в поместье Пэнлай. Нужно было составить подробные правила и отправить их У Даоци. Тот обладал на редкость живым, цепким умом и наверняка сумеет превратить наброски господина в блестящий план, добавив пару отличных идей, которые самому Юньшу даже в голову не пришли бы. У Даоци вел дела безупречно, и Юньшу полностью ему доверял. Пожалуй, главный урок, который попаданцу довелось усвоить за время жизни в этом мире, звучал просто: никогда не сбрасывай со счетов людей древности.

В конце концов, именно предки этих людей изобрели штангенциркуль, сейсмограф и сложнейшие механические часы с крошечными фигурками-глашатаями задолго до того, как Запад вообще задумался о науке.

Взять хотя бы кухню. Когда Юньшу только обосновался здесь, он первым делом обучил поваров

жарке на сильном огне. Да-да, в эту эпоху никто не знал ни о глубоких сковородах-воках, ни о самом понятии быстрой обжарки с перемешиванием. Продукты в основном варили или тушили, а рыбу и вовсе предпочитали подавать в сыром виде — тонкими ломтиками «куай». Поскольку в прошлой жизни Юньшу практиковал медицину, мысль о полчищах паразитов в сырой речной рыбе внушала ему глубокое отвращение, и он наотрез отказался притрагиваться к местным деликатесам.

Когда же он раскрыл поварам секрет приготовления соевого творога — тофу, — те проявили поразительную изобретательность. Очень быстро они сами, без всяких подсказок, научились его жарить, мариновать со специями, варить питательное соевое молоко и готовить сытные похлебки «доулао». Вековая привычка простого люда бережно относиться к еде и пускать в дело каждую крошку принесла свои плоды. Да, им требовалось время, чтобы освоить новые знания, но стоило Юньшу дать им нужный рычаг, как они без труда переворачивали горы.

В конце концов, Юньшу был всего лишь человеком, да и во многих ремеслах смыслил весьма поверхностно. Даже покупая чертежи и рецепты в Межпространственной лавке, он получал лишь общие указания. Ему оставалось лишь подтолкнуть мастеров в нужном направлении, очертить общую суть и заставить их шевелить мозгами сообща. А уж посулив звонкую монету, можно было не сомневаться: за щедрое вознаграждение китайские умельцы расшибутся в лепешку, но доведут дело до совершенства. Именно так его скромное начинание и разрослось до нынешних масштабов.

Улыбнувшись своим мыслям, Юньшу потянулся к столику, взял самодельное гусиное перо и принялся быстро набрасывать план будущего состязания на плотном листе изысканной бумаги Юйкоу.

<http://bllate.org/book/18296/1758460>